

Валентина Карпицкая

Любовь — цветок нежный

1

Солнце только-только начинало цедиться сквозь наглухо задёрнутые занавески, когда звонок в квартиру заставил Таню открыть глаза и посмотреть на будильник: было начало седьмого. «Кого принесло в такую рань? И в выходной выспаться не дадут! — подсадовала она, не вставая с постели. — Может, соседи? Вряд ли. За стеной у них тихо — спят ещё. Мальчишки озоруют? Тоже — нет: беготни по подъезду не слышать. Наверное, просто квартирой ошиблись...» Раздумья прервал ещё более настойчивый звонок. С неохотой поднявшись, она сдёрнула со стула полупрозрачный пеньюар и, набросив на себя, прошла в прихожую. Поглядев в дверной глазок, открыла дверь — на пороге стоял сосед Ромка.

— Привет, сонное царство! — расплылся он в широчайшей улыбке, уставившись на соблазнительную двойню, просвечивающуюся сквозь шёлковую ткань халатика.

Перехватив Ромкин взгляд, Таня скрестила руки на груди:

— Ты на часы смотрел? Шесть утра! Сдурел

совсем!

— Не вежливо же ты гостей встречаешь, — без обиды заметил сосед, неторопливо скользя взглядом по шёлку, повторяющему плавные изгибы женского тела.

— Я вообще-то ещё спала. А ты разбудил меня, — нахмурилась Таня, видя, что гость вовсе не собирается извиняться и уходить.

— Много спать — мало жить: что проспано, то прожито, — весело отозвался Ромка и, сощуриив смеющиеся глаза, спросил: — Ну что, так и будешь держать у порога?

— Ромашка, ты не выпил случайно? Вид у тебя какой-то подозрительный, — всматриваясь в лицо соседа, поинтересовалась Таня.

В ответ на это Ромка сделал трагическое лицо:

— Может, я нахожусь между жизнью и смертью. Может, я проститься пришёл...

— Не ломай комедию! Уезжаешь? Ладно, заходи... Подожди здесь, пока я оденусь, — Таня повернулась, чтобы идти, однако Ромка поймал её руку. Лицо его сделалось серьёзным, а глаза, не умеющие скрывать чувства, лихорадочно заблестели:

— Постой. Мне так нравится... Тебе безумно идёт этот наряд... Ты в нём можешь воспламенить даже умирающего отшельника, — тяжело дыша, пробормотал он.

— Убери руки, — решительно оттолкнула соседа Таня, — и говори, зачем пришёл.

— Предложить руку и сердце.

— Спятил, что ли? — рассердилась Таня, но Ромкина обезоруживающая улыбка умягчила её сердце:

— Нет, Ром, ну, правда, что случилось?

— Да так, ерунда, не стоит разговора. Дай какую-нибудь книгу. У тебя их целая читальня, а мне лень в библиотеку идти.

— Другого времени не нашёл, — буркнула Таня, но уловив грустные нотки в голосе соседа, уже спокойным голосом спросила:

— Тебе какую? Детектив?

— Ага. Давай Незнанского.

Таня ушла в спальню и когда вернулась с книгой, Ромка уже сидел на кухне и курил. Он вздохнул, увидев на соседке вместо ничего не скрывающего пеньюара домашний халат, и глубоко затянулся. Глаза его, минутой назад сверкавшие, как огонь, словно подёрнулись сизым сигаретным дымом.

— Ромашка, туши сигарету. С детства не переношу запах табака, — разгоняя дым рукой, сказала Таня и, открыв балкон, с наслаждением вдохнула воздух, смешанный с ароматом черёмухи. — И вообще, ты много куришь. Это опасно для здоровья.

— Ушам своим не верю! Ты беспокоишься о моём здоровье? — сузил глаза Ромка, отнеся сигарету от лица. — А хочешь, я совсем брошу курить! Слышишь, королева, я всё сделаю, что ты хочешь!

Он спешно затянулся и, смяв сигарету, вопросительно взглянул на строгую воспитательницу.

Таня подошла к столу, чтобы убрать пепельницу, но Ромка неожиданно вскочил со стула и, схватив её за руку, привлёк к себе. Прежде чем Таня успела что-либо возразить, он стал покрывать пылкими поцелуями её лицо и шею, с каждым новым поцелуем подбираясь всё ближе к вырезу халата. Таня задыхалась от горького сигаретного запаха, упиралась руками в широкую Ромкину грудь, но он был силён, как буйвол.

— Ты что, меня силой хочешь взять?! — выдохнула она, и слова, словно звонкая оплеуха, миглом отрезвили соседа. Он отшатнулся, вспыхнув до самых кончиков ушей, и руки его беспомощно упали:

— Таня, Танечка, прости меня. Не знаю, что накатило. Люблю я тебя. С самого первого дня, как увидел. Никто на свете тебя не полюбит сильнее. Помни это всегда.

— Уходи. Бери книгу и уходи, — холодно ответила Таня, запахивая халат.

Сосед, не глядя, сгрёб со стола книгу и сунул под мышку.

— Ладно, королева, не сердись, я уже ухожу, — потухшим голосом сказал он и поплёлся к выходу, но у порога остановился и горестно посмотрел Тане в глаза.

— Давай, давай, и нечего так смотреть, — подтолкнула она соседа к дверям.

Щёлкнув замком, Таня ещё некоторое время прислушивалась к удаляющимся шагам и после того, как они затихли, направилась в ванную. Сбросив халат и открыв кран, стала под душ. Тугие струи запрыгали по телу, смывая следы жадных Ромкиных рук, и Тане вдруг стало жаль безнадёжно влюблённого в неё Ромашку, которого она сама, не желая того, раздражила нескромным пеньюаром. «Надо было думать, что надевать, прежде чем открывать дверь, — корила она себя, намыливая упругую губку и покрывая влажную кожу ароматной пеной. — А Ромка — что? — здоровый мужик, с нормальными инстинктами. Мне вообще не за что на него обижаться: и плитку в ванне положил, и в кухне ремонт сделал. Даже денег нисколючко не взял».

Таня направила на себя дождик, и ласковая вода, огладив плечи, спину грудь, живот, растворила и унесла с собой сладко пахнущую мыльную пену, а вместе с ней и все обиды.

Укутав мокрые волосы в полотенце, Таня вернулась на кухню и, поставив чайник на плиту, вышла на балкон.

Двор оживал. Анна Егоровна или просто бабушка Аня, самая старенькая жительница не только подъезда, но и всего дома, уже поливала цветы под окнами. Семейная пара с нижнего этажа загружала машину, чтобы ехать на дачу.

Хлопнула дверь подъезда — и с пляжной сумкой на плече на улицу выпорхнула соседка Галка — «живая газета», как её прозвал Ромка, и остановилась возле клумбы.

— Здорово, бабуля! Не сидится тебе дома: с утра до ночи возле своих лютиков корпишь.

— А-а, Галина... — отозвалась пенсионерка. — А чего без дела сидеть? Говорят, умирай, а работу не бросай. Вот помру — будут люди на цветы любоваться да бабушку Аню добрым словом поминать.

— Ты лучше бы картошку посеяла, а то нас всё кризисом пугают, голод, говорят, будет, — хохотнула Галка, невольно задержав взгляд на ярко-розовой, похожей на розу, пеларгонии.

— Голод — не самое страшное, лишь бы войны не было, — вздохнув, ответила старушка.

— С неба звёздочка упала прямо милому в штаны. Пусть бы яйца оторвала, лишь бы не было войны, — продекларировала Галка и зашлась

смехом.

— Ох, Галина! Прута на тебя нет! — добродушно проворчала старушка, ставя лейку на землю рядом с собой.

— Зачем прут, бабушка Аня! — сквозь смех спросила озорница.

— Прут не ангел, а от многого предостережёт. Тебе бы всё смеяться. Поглядела б лучше на свою соседку, Татьянку, какая она серьёзная.

— Не ругайся, бабуль. Сама ведь знаешь, что Танька не всегда такая была. Посерьёзнела, как родителей похоронила, а мои-то предки ещё, слава Богу, живы, — стала оправдываться Галка.

— Живы и слава Богу... Но полно того говорить. Говорим, а дело стоит, — спохватилась старушка, снова берясь за лейку.

Услышав, что о ней говорят, Таня уже собралась незаметно покинуть балкон, как Галка, глянув вверх, помахала рукой.

— Танька, ты чё дома сидишь? Пошли на речку!

— Высохну и догоню, — пообещала Таня.

— Слушай, это не от тебя Ромка домой утром бежал злой, как собака? — спросила вдруг неугомонная соседка.

— Он заходил ко мне, книгу просил. Настроение у него было нормальное.

— Да? Наверно, показалось. Ну, ладно, я полетела... — попрощалась довольная Галка, а Таня вернулась на кухню пить чай, чтобы затем тоже отправиться на реку.

2

Трава уже успела обсохнуть от росы, когда Таня спустилась с песчаного пригорка к своему излюбленному камню, лежащему у самой кромки воды. Камень был покатым, с неширокой плоской поверхностью, удобной для сидения. Присев на него, Таня загляделась на воду, лоснящуюся на солнце, и мысли унеслись в прошлое... Яркое летнее утро. Она, обхватив руками колени, сидит на таком же тёплом камне и терпеливо ждёт отца: без него не хочется заходить в воду. Солнце уже припекает, и Таня, распарившись от зноя, снимает с себя платье и кладёт рядом на камне. Рисунок на платье привлекает внимание мотылька: он робко опускается на оранжевый цветок и усиками начинает вкрадчиво ощупывать его... Ах, какая досада! — здесь абсолютно нечем поживиться! — и обиженный мотылёк срывается с цветка. Таня провожает его сочувственным взглядом, но вдруг замечает отца, сбегającego с высокого берега. Он на ходу снимает рубашку и, размахивая ею, раскатисто кричит: «Танча-а-а! Айда-а

купа-аться!». Таня тут же соскальзывает с камня и, раскинув руки, мчится наперерез папе, но он уже бросает рубашку на траву и первым влетает в воду, поднимая целую кучу огненно сверкающих брызг! На несколько секунд Таня теряет отца из виду, но в следующее мгновение он выныривает из воды в нескольких метрах от берега и, болтаясь на воде, как поплавок, машет рукой. Радостно взвизгнув, Таня пускается вдогонку и в два счёта настигает отца. Не сговариваясь, они устремляются к противоположному берегу...

Какое счастье плыть рядом с папой! Ты скользишь, как тень, по водной глади; под тобою синяя глубина, над тобою синяя высота, и счастье длится и длится, и, кажется, ему не будет конца...

От мыслей Таню оторвал шум крыльев: со всех сторон на берег слетались голуби, устремляясь к мужчине, стоящему неподалёку. Их было так много, что Таня непроизвольно стала считать: «Раз, два, три... пять... семь...», однако сбилась, так как птицы всё время находились в движении: приземлившись, они начинали толкаться, а некоторые даже клевать соперников, стараясь занять более выгодное место. При этом пернатые совсем не боялись своего кормильца: пока он доставал из кармана пакетик с угощением, один голубь даже попытался пристроиться у него на плече, только двое его собратьев, взлетев и

захлопав крыльями, столкнули выскочку. Но вот незнакомец опустил руку в пакет и, зачерпнув горсть золотистого зерна, бросил на землю. Птицы, сразу забыв о ссорах, дружно принялись за угощение.

Таня заинтересованно посмотрела на любителя птиц. Она уже не в первый раз видит здесь этого человека с умным, но очень печальным лицом: каждый раз он приходит на это место, чтобы покормить голубей. Наблюдая за мужчиной, Таня подумала, что красивым его, пожалуй, не назовёшь, но стоило ей взглянуть в тёмные глаза незнакомца, с каким-то мерцающим блеском в них, как она сразу нашла его довольно-таки привлекательным. «Он даже чем-то похож на моего отца, — заметила Таня. — Такой же высокий лоб, выразительные губы, и волосы точно так зачёсаны». Она обратила внимание на руки незнакомца: тонкие, изящные, и... непослушные: они заметно дрожали, и незнакомец, не желая привлекать к себе излишнее внимание, торопился вытряхнуть содержимое пакетика. И хотя это ему давалось с трудом — руки отказывались подчиняться, бедняга упорно продолжал своё доброе дело.

Наконец пакетик опустел. Мужчина ещё некоторое время наблюдал за крылатыми питомцами, улыбаясь одними глазами. Но счастье было слишком скоротечным: птицы быстро

управились с угощением и улетели. Лицо мужчины снова сделалось печально-отрешённым, его уже ничто не занимало на берегу, и он неспешно побрёл восвояси. Таня проводила его долгим задумчивым взглядом и, вспомнив, что в сумочке залежался пакетик с семечками, соскочила с камня и заняла прикормленное место. Не успела она распотрошить хрустящую упаковку, как голуби, услышав знакомый звук, тут же вернулись и принялись торопливо подбирать брошенные им семена. Сначала птицы осторожничали: присматриваясь к новому человеку, они в первую очередь склёвывали рассыпанные поодаль семечки, но вскоре уже доверчиво топтались у ног, не чувствуя никакой опасности. Увлёкшись кормлением, Таня не услышала позади себя шагов, и только внезапно прозвучавший за спиной негромкий голос заставил её резко обернуться.

— Не правда ли, такое удовольствие кормить их?

Испуг, отобразившийся на Танином лице, мгновенно уступил место виноватой улыбке. Перед ней стоял он — тот самый любитель птиц, которого Таня уже привыкла встречать на берегу, и всматривался в её глаза. Таня что-то хотела сказать в оправдание, но встретив пронизывающий взгляд тёмных, магнетических глаз, потупилась, совершенно сбившись с мысли. Незнакомец, видя

смущение на Танином лице, поспешил объяснить своё внезапное возвращение:

— Извините, что помешал вам, но я где-то выронил связку ключей и подумал, что отыщу их здесь. Вы не могли бы помочь мне... Мне трудно нагибаться...

— Да, конечно! Вы только подержите мою сумочку, а то она мне будет мешать, — попросила Таня, напряжённо взглянув на незнакомца.

— С удовольствием, — кивнул он.

Долго искать не пришлось. Ключи действительно были обронены в траву в шаге от того места, где остался стоять незнакомец, и Таня почти сразу наткнулась на них. Обрадовавшись находке, она поспешила обрадовать и их владельца. Держа ключи перед собой, она подошла к нему и с улыбкой спросила:

— Эти?

— Да! Спасибо вам за помощь. Сам бы я ни за что не справился, — глядя на Таню благодарными глазами, простодушно признался он.

— Сущий пустяк! — ответила Таня, передавая ключи.

— Если вы не слишком торопитесь, то мы могли бы пройтись берегом, — предложил незнакомец, возвращая сумочку хозяйке. Однако Таня отрицательно покачала головой:

— Мне пора. До свидания. Постарайтесь

больше ничего не терять.

Он долго смотрел ей вслед, надеясь, что она оглянется. Он так хотел, чтобы она почувствовала и оценила его трагический взгляд. Но она не оглянулась...

3

Таня и сама не знала, что привлекло её в этом человеке. «Просто он похож на моего отца, — решила она, — такая же опрятность в облике и благородство. А глаза... Какие чудесные у него глаза! И этот негромкий, вкрадчивый голос, в котором улавливается некоторый оттенок нежности»... Весь остаток дня Таня вспоминала эту мимолётную встречу на берегу и смутное предчувствие чего-то необыкновенного, что должно вскоре с ней произойти, наполняло её.

Спустя несколько дней снова удалось выбраться на берег. После ночного дождя парусило чисто вымытое небо. Было душно и знойно, и Таня подумала, что вряд ли она застанет любителя птиц на прежнем месте: «Он не рискнёт в такую жару выйти из дома».

В парке, как всегда, было много народу, скамейки были все заняты: отдыхающие укрывались от палящего солнца под сенью деревьев. Зато берег был почти пуст: только самые

отчаянные пеклись под полуденным солнцем. Спустившись с насыпи, Таня пошагала мимо ряда скамеек, направляясь прямо к берегу, и уже почти прошла весь ряд, как вдруг услышала за спиной:

— Рад видеть вас. Вы сегодня припозднились.

Она повернулась на голос, и сердце её радостно встрепенулось: на крайней скамейке сидел тот, о ком она только что думала.

— Здравствуйте! Не чаяла вас встретить в такую жару, — призналась Таня, не пытаясь скрыть свою радость.

В его глазах вспыхнула улыбка, хотя лицо при этом оставалось холодным.

— Вы, наверное, пришли искупаться, а я вас задерживаю, — извиняющимся тоном сказал он.

— Вовсе нет, — поспешно ответила Таня. — Вернее, да... В общем, это неважно...

— Вы можете пойти искупаться, а я, если вы не против, подожду вас на берегу, заодно присмотрю за вашими вещами.

— Идёт! — согласилась Таня.

Они спустились к реке. Таня, достав из пакета пляжный коврик, расстелила его на блестящей траве и настороженно взглянула на спутника:

— Вы правда не боитесь солнца?

— Правда не боюсь.

— Тогда устраивайтесь поудобней, —

показала она на коврик. — Я сама страсть как люблю солнце! По мне такая вот жара стояла бы круглый год! Ну? Что же вы? Садитесь!

— Я... наверное... лучше постою, — замялся незнакомец, но заметив удивление в речистых Таниных глазах, сделал над собой усилие и, преодолев стыдливость, продолжил:

— Ну... разве только... если вы мне поможете...

— Да! Конечно! — бросилась к нему Таня. — Вы не стесняйтесь, если что надо, говорите! Мне ведь не трудно!

Она придержала его за руку, и он неуклюже опустился на коврик. Сама же Таня, стряхнув с ног шлёпанцы, стала расстёгивать кофточку и вдруг, перехватив взгляд спутника, нахмурилась:

— Не смотрите на меня!

— Простите... — сконфузился он и отвёл глаза. — Просто вам так к лицу эта белая блузочка...

Таня быстро скинула с себя блузку, затем джинсы и, оставшись в купальнике, устремилась к реке. Залетев с разбега в воду, бултыхнулась в её ласковую прохладу.

Плавала она легко, свободно, как в детстве, заплывала далеко и там «отдыхала», лёжа на спине. А её новый знакомый, с которым она даже ещё и не познакомилась, терпеливо ждал, изнывая под

немилосердными лучами. Ноги его затекли, спина ныла от неудобного сидения. Ему хотелось подняться с земли, но он боялся, что у него ничего не получится, что, вставая, он потеряет равновесие и упадёт. И он злился на свою слабость и беспомощность, ненавидя себя такого незнакомого, не в силах принять себя таким чужим. Не так давно он был строен и прям, имел стремительную лёгкую походку, всегда был в центре внимания, бывал во многих местах, а потом... Мир сузился до немыслимых пределов: дом — парк.

— Папаша, закурить не найдётся? — раздался за его плечом чей-то голос. Обернувшись, он увидел двух рослых парней, которые стояли рядом и смотрели на него сверху вниз. Он отрицательно покачал головой. Один из друзей бросил взгляд на ворох женской одежды, лежащий на коврике, и, ткнув локтем напарника в бок, буркнул: «Пошли». Они спустились к реке и устроились на прибрежных камнях.

Вволю накупавшись, Татьяна уже выходила из воды. Охваченная солнцем и радостью, она неспешно брела по мелководью, выжимая на ходу мокрые волосы; капли воды сверкали на её узких плечах, высокой груди, на чуть округлом животе и казалось, что всё её тело было покрыто золотистыми чешуйками...

В ней не было никакой скованности, только

вызывающая уверенность в себе и даже некоторая надменность. Всем своим видом она притягивала к себе внимание и будоражила чувства.

Двое сидящих на камнях парней так и прилепились к ней взглядами.

— Как водичка? — ощупывая глазами крепкую Танину грудь, спросил один из них.

— Что? — переспросила Таня.

— Вытереться, говорю, не помочь?

— Обойдусь, — резко ответила она, сделавшись серьёзной.

— Это не твой там папочка сидит? — хмыкнул второй здоровяк.

— Мой. А что? — неожиданно повеселела Таня.

— Он всегда тебя пасёт? — съехидничал крепыш, но видно было, что он уже утратил интерес к знакомству.

— Всегда, — отрезала Таня и довольная тем, что так легко избавилась от назойливых парней, поспешила к своему так называемому «папочке».

«Папочка» же к этому времени держался из последних сил, не зная, что его мучит больше: нестерпимая боль в спине или ревность, внезапно охватившая всё его сознание. Он еле дождался Таниного возвращения, а, дождавшись, вскочил с земли. Его зашатало, и земля стала уходить из-под

ног, но Таня успела подбежать и удержать его за руку.

— Простите меня... Я заставила вас ждать, — с раскаянием воскликнула она, и во взгляде её было столько душевного тепла, столько искреннего беспокойства, что он замер, удивлённо глядя в эти безбрежные глаза, полные сострадания.

— Это вы меня простите, что навязался... — глухим от волнения голосом ответил он, опустив глаза.

— Не говорите так... Пойдём в тень. Я сейчас...

Нескольких минут хватило Тане, чтобы одеться и сложить сумку. Затем, не спрашивая разрешения, так, как если бы она и впрямь была дочкой, а её спутник — папой — взяла его за руку и увлекла за собой туда, где густо растущие деревья раскинули свои крылья.

Они бродили по аллеям между рядами высоких тополей, говорили о разных пустяках, иногда перебрасывались взглядами, как бы привыкая друг к другу.

Потом снова спустились к воде и стояли, подняв лица к небу и наблюдая за кружащей над водой чайкой.

— Чайки всегда указывают на обитание рыб, — заметила Таня. — Птицы и животные часто

подсказывают людям, как нужно себя вести, но человек стал невнимательным к живой природе.

— Да... люди, к сожалению, разучились понимать природу и варварски относятся к ней, — согласился попутчик, — а ведь природа — это храм Божий.

— Я с вами полностью согласна. Во всей природе виден Бог. Луговой цветок, не говоря уже о розе, морская раковина, не говоря уже о жемчужине, перо болотной птицы, не говоря уже о павлиньем пере — всё говорит о Создателе. Ещё Ломоносов заметил, что чем глубже проникаешь в природу, тем яснее видишь Устроителя всего видимого мира.

Танин спутник, внимательно выслушав её, вдруг спросил:

— Вы любите стихи?

— Да! В школе я даже пробовала сама писать, — оживилась она. — А вы?

— Очень. Стихи — хлеб души моей.

Таня с любопытством посмотрела на собеседника.

— Тогда прочитайте что-нибудь. Только сначала скажите, как мне к вам обращаться. Мы уже больше часа разговариваем друг с другом, а я всё ещё не знаю вашего имени-отчества. Меня, кстати, зовут Таней! — откинув брошенную ветром на лицо прядь, с разыгранной гордостью объявила

она.

— Таня... Танечка... — мечтательно повторил собеседник. — Надо же, и впрямь выпало из внимания, что мы до сих пор не знакомы. Зовут меня Иван Артёмович. Фамилию, я думаю, не обязательно называть.

— Обойдёмся без фамилий, — согласилась Таня, к своему удовольствию отметив, что нового знакомого зовут так же, как и её отца.

— Итак, кого бы вы хотели услышать? — спросил Иван, глядя на Танины тонко прорисованные сжатые губы, говорящие о сильной натуре, и думая: «Такая в обиду себя не даст!»

— Можно Есенина... — немного помолчав, предложила Таня. — Я всегда любила Есенина.

— Как вам будет угодно... — кивнул Иван и негромким, но выразительным голосом стал читать:

*Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали.
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь
скандалить...*

Таня с интересом взглянула на попутчика, и ей вдруг показалось, что он... чуточку помолодел! Нет, это вовсе не означает, что разгладились морщинки на его лице, а седые волосы стали вдруг

рыжими... но глаза... Глаза его оживились, засверкали, как будто пламя вспыхнуло в их тёмной бездне... «И впрямь, поэзия — хлеб его души!» — замороженно вглядывалась в эту бездну Таня.

Не сговариваясь, они снова поднялись по склону и двинулись по вымощенной плиткой аллее. Откуда-то доносилась весёлая музыка, и раздавался чей-то смех, на скамейках судачили почтенные матроны, и на детской площадке резвилась неугомонная детвора, но ничего не могло отвлечь Таню от Есенинских строк.

*Был я весь — как запущенный сад,
Был на женщин и зелье падкий.
Разонравилось пить и плясать
И терять свою жизнь без оглядки...*

Иван дочитал стихотворение до конца и кивнул на пустую скамейку, смотрящую на реку:

— Танечка, вы не будете возражать, если мы присядем ненадолго?

— Конечно, нет, — с трогательным волнением согласилась Таня, — я вас совсем замучила. Поторопимся, пока кто-нибудь не опередил нас!

Подойдя к скамейке, выкрашенной в ядовито-жёлтый цвет, Иван присел на её край. Таня же, прежде чем усесться рядом, смахнула со

скамейки пыль... и — о, ужас! — на пальцах остались липкие жёлтые пятна... Краска была свежей!

— Ой! Вы, кажется, сели на краску... — воскликнула она, испуганно взглянув на Ивана.

Он хотел быстро подняться, но у него это не получилось: чуть привстав, он потерял равновесие и снова сел. Таня подала ему руку и помогла «оторваться» от злополучной скамейки. Глянув же на его запачканные краской брюки, не смогла сдержать улыбки: жёлтые полосы сделали их похожими на пижаму. Иван, заметив улыбку на Танином лице, насупился, что ещё больше развеселило спутницу, и она заливисто рассмеялась.

— Не вижу ничего смешного, — буркнул он.

— Не обижайтесь. Я ужасная хохотушка. Мне только палец покажи... — смеясь, оправдывалась Таня. — Жаль, что так всё получилось. Надо попробовать растворителем...

— Но у меня нет с собой растворителя! А в таком виде, как вы сами понимаете, я не могу разгуливать по парку. Мне нужно вернуться к себе домой, и уже дома попытаться отчистить брюки... Мы... мы... могли бы... — Иван сконфузился и умолк, оборвав фразу.

— Пойти к вам вместе? — прищуриль зелёные глазищи, вместо него закончила мысль Таня.

— Угадали. Просто вы такая насмешница и я

не отважился пригласить, думая, что вы посмеётесь над моим предложением, — признался Иван. — Ну, так что, принимаете приглашение? Чайку попьём...

— Да, — без колебаний ответила Таня, сама удивившись той лёгкости, с которой она согласилась.

Иван предложил спутнице руку, и она с нарочитой важностью взяла её под локоть, и в этот самый миг ей показалось, что они давным-давно знают друг друга, и что у них, несмотря на большую разницу в возрасте, много общего. «Мы могли бы стать друзьями, — подумала Таня. — Вот так и гуляли бы иногда по парку, говорили о поэзии или рассказывали друг другу разные истории».

По дороге они говорили о каких-то значительных пустяках, Иван при этом не раз возвращался к литературе и цитировал известных авторов, а Таня, поражаясь уму и памяти своего попугайчика, с детской впечатлительностью внимала каждому его слову. Потом она рассказывала забавные случаи из своей жизни, а он в это время смотрел на её руку, крепкую и смуглую от солнца, и чувствовал, как тепло от этой руки передаётся ему, и смутная, будоражающая кровь, тревога зарождалась в глубинах его души.

Возле большого продуктового магазина она попросила её подождать и, бросив на ходу «я мигом», стала взбегать по широким ступенькам

парадной лестницы. Иван растерялся и, не успев ничего сказать вдогонку, только запоздало кивнул, провожая убегающую Таню напряжённым взглядом. Он так и стоял, одинокий и озабоченный, и без отрыва смотрел на стеклянную дверь, пока снова не увидел её, лёгкую и весёлую, с разбросанными по плечам золотисто-рыжеватыми прядями волос, с пакетом в руках, и только тогда вздохнул с облегчением.

— Я долго? — спорхнув со ступенек, спросила Таня.

— Целую вечность... — ответил он.

Таня удивлённо посмотрела на Ивана Артёмовича и, встретив его пронзительный взгляд, почему-то смутилась. Некоторое время шли молча. Таню совсем не тяготило затянувшееся молчание, но её попутчик чувствовал некоторую неловкость.

— Не люблю ходить по магазинам, — первым нарушил он молчание.

— Почему? — отозвалась Таня.

— Когда видишь семейные пары, которые вместе что-то выбирают, советуются друг с другом, радуются покупкам, то особенно остро чувствуешь своё одиночество и понимаешь, что твоя жизнь никому не дорога.

Таня ничего не ответила, но сердце её сжалось от боли. Заметив отпечаток грусти на лице спутницы, Иван пожалел о сказанном:

— Простите, я, верно, надоел вам своими жалобами.

Таня отрицательно покачала головой.

— А вон там я и живу, — показал Иван на длинное девятиэтажное здание, вытянувшееся вдоль дороги.

Переступив порог чужого дома, Таня проворно разулась и замерла, смущённо глядя на босые ноги.

— Погодите-ка, у меня кое-что имеется для вас, — оживился Иван Артёмович.

Он открыл дверцу шкафчика и достал с полочки чёрного цвета бархатные тапочки, украшенные вышивкой из цветов. Некоторое время он сосредоточенно смотрел на них, как бы мысленно прося у них прощения за свой внезапный порыв. Лицо его сделалось очень серьёзным, почти трагическим, словно он решал судьбу не этих милых тапочек, а свою собственную. Наконец, он взглянул на Таню:

— Вот. Наденьте их...

Таня послушалась и, обувшись, радостно воскликнула:

— Как раз! Спасибо! Они такие красивые...

— Я так рад, что они вам понравились! Теперь они будут вашими, — с волнением в голосе сказал Иван Артёмович. — Ну, вы тут пока хозяйничайте

на кухне, а я пойду, поменяю порточки.

Он удалился в дальнюю комнату, а Таня прошла на кухню и, пока хозяин дома отсутствовал, успела вскипятить чайник и сделать заварку. Когда же Иван, вернувшись, неслышно открыл кухонную дверь, из комнаты на него повеяло счастьем: на столе стояла вазочка с конфетами, рядом с ней на тарелке лежали пухлые пирожки с начинкой, а гостя разливала по чашкам ароматный напиток.

Они сидели друг напротив друга за маленьким столиком, покрытым уютной клетчатой скатертью, и, прихлёбывая чай, вели беседу. Таня рассказывала о своём городе, в котором она родилась, о школе, в которой училась. Глядя на Таню, дал себе волю выговориться и Иван, и такие светлые воспоминания нахлынули на него, что он, сам того не ожидая, забыл на время о своих бедах.

— Странное дело: в вашем доме я в первый раз, а словно домой вернулась, — неожиданно призналась Таня, и её красивое лицо сделалось серьёзным и строгим.

— Скучаете по родителям? — участливо спросил Иван.

— У меня нет родителей. Они умерли, — потупилась Таня, и глаза её заблестели под опущенными ресницами.

— Простите...

— Ничего, я уже свыклась с одиночеством, — тихо отозвалась Таня, доверчиво взглянув на собеседника.

Иван смотрел в её глаза и, с каждой секундой в нём росло желание рассказать обо всём, что наболело, о чём он до сих пор не мог никому рассказать. Он сам не понимал, что с ним происходит, но чувствовал, что с этой особенной девушкой жизнь входит в него, подорванного в основах; он физически ощутил близость душ: его и Тани. И он, ещё недавно моливший Бога о смерти, страстно захотел жить и любить.

— Танечка, а... вы... замужем? — наконец задал он вопрос, который давно вертелся у него на языке.

Танино лицо сразу же приняло холодное выражение, она опустила ресницы, поражая их длиной, но уже в следующее мгновение глаза её засверкали, и насмешливая улыбка заиграла на губах:

— Замужество для меня не более привлекательно, чем смерть. Мне хоть золотом усыпь дорогу, всё равно замуж не пойду!

Руки Ивана предательски задрожали, и он чуть было не опрокинул на скатерть чашку с недопитым чаем, но Таня успела вовремя отодвинуть её. Почувствовав себя виноватой, она погрузилась в молчание и принялась убирать со

стола посуду.

— Оставьте ради Бога. Я сам всё уберу, — остановил её Иван, вставая из-за стола. Но, поднявшись, так и замер, держась за край столешницы.

— Вам плохо? — испугалась Таня и в мгновение ока подлетела к нему.

— Я сейчас упаду. Помогите мне, пожалуйста, — глядя в пол, глухим голосом попросил Иван.

Таня крепко взяла его за дрожащую руку и слегка потянула на себя. Иван неуверенно оторвал ногу от пола и сделал маленький шаг...

— Всё. Пошёл. Дальше я сам, — облегчённо вздохнул он. — Простите, что напугал вас.

— Это вы меня простите, если я чем-то вас обидела, — с выражением сочувствия сказала Таня и украдкой глянула на часы, что не ускользнуло от внимания хозяина дома.

Наступила длинная пауза. Таня подбирала слова, не зная, как сказать о том, что ей пора домой. Иван, видя Танины терзания, избавил её от этой тягостной необходимости.

— Вам, наверное, нужно идти, а я вас задерживаю, — упавшим голосом произнёс он. — Пойдёмте, я провожу вас хотя бы до дверей.

— Пойдёмте, — согласилась Таня, направляясь следом, но, выйдя из кухни,

неожиданно остановилась перед большим зеркалом, висящим на стене. Достав из кармана джинсов резинку для волос и зажав её зубами, она принялась собирать разбросанные по плечам волосы в хвост, глядя на своё отражение.

Иван повернулся к Тане лицом, да так и замер, точно оглушённый ударом, жадно следя за её руками... Он вдруг ощутил, как нежная судорога побежала по его рукам и ногам, и давно забытая сладкая истома охватила его при виде таких, казалось бы, простых движений, привычных для женатого человека. В глазах его вспыхнул огонь, а в крови — естественное для мужчины жгучее желание...

Таня, словно почувствовав его взгляд, тоже повернула к нему лицо, и в глазах её отобразилась тревога.

— Вам опять плохо?

— Нет, не беспокойтесь, — с трудом погасив в себе чувственную вспышку, медленно сказал он. — Я так рад, что вы зашли ко мне. Такая радость нечаянная.

Таня понимающе улыбнулась и, не ответив, прошла мимо него. Она переобулась в шлёпанцы, а снятые с ног тапочки бережно опустила на обувную полку. Выпрямившись, повернулась лицом к Ивану, и её глаза встретились с его глазами.

— Ну вот. Пускай стоят здесь на виду и ждут

меня. До свидания, Иван Артёмович.

Он глядел так, словно взглядом хотел задержать гостью. Какое-то шестое чувство подсказывало Ивану, что он не должен дать ей просто вот так вот взять и уйти, должен что-то сказать. Но что... И тут его осенила счастливая мысль:

— Танечка, пойдёмте завтра в Ботанический сад!

Она остановилась на пороге, и её блестящие глаза устремились на Ивана.

— В Ботанический сад? Хорошая идея. Где и во сколько встретимся?

— У входа. Скажем, в десять.

— В десять так в десять. Решено!..

Она выпорхнула из квартиры, а он остался стоять посреди прихожей, удерживая в памяти её чудный образ и запоминая еле уловимый запах духов.

4

Яркий луч, пробившись сквозь неплотно задёрнутые шторы, упал спящей Тане на лицо, и она открыла глаза. Проспала! Откинув одеяло, она уже готова была слететь с кровати, однако, взглянув на будильник, успокоилась: «Нет, проснулась даже раньше, чем хотела».

Понежившись в кровати ещё минуту-другую, она поднялась и принялась заправлять постель, но всё пошло не так, как всегда. Растущее в сердце волнение отвлекало, сбивало с толку, мешало выполнять привычную работу. В результате простыня отказывалась лечь гладко, одеяло сбивалось в пододеяльнике, а покрывало съезжало. Неожиданно ей стало смешно. Подойдя к зеркалу, она улыбнулась своему отражению: «Что с тобой, Танечка? Разнервничалась, как перед первым свиданием...».

Успокоившись, она тщательно расправила покрывало и умчалась в ванную, где, став под душ, окончательно привела свои чувства в порядок.

Спустя несколько минут она уже сидела с чашечкой горячего кофе перед открытым балконом, в окна которого вваливалась цветущая черёмуха, и предчувствие чего-то необыкновенного наполняло её душу...

Тянул ласковый полуденный ветер, разнося по городу аромат черёмухи. В высоком небе состязались в ловкости беспокойные стрижи, почти у самой земли резвились лёгкие мотыльки, а сама земля золотилась цветущими одуванчиками.

Выйдя из маршrutки и перейдя дорогу, Таня небыстрым шагом направилась вглубь дворов. И хотя ей не нравилась такая ходьба, она не могла

пойти быстрее — это выглядело бы нелепо: дамочка в строгом облегающем платье, на каблуках и — вдруг несётся, как на пожар.

Издаലെка она увидела его, одиноко стоящего у ворот Ботанического сада, и сердце её радостно запрыгало. Таня хотела помахать ему рукой, но не решилась: вдруг покажется слишком легкомысленной? И она пошла, улыбаясь, навстречу, а он совсем не узнавал её и растерянно оглядывался по сторонам, ища её взглядом. Но когда между ними оставалось всего несколько шагов, глаза его радостно вспыхнули.

— Здравствуйте, Иван Артёмович! — успела опередить Таня. — Вы сегодня заметно повеселели.

— Здравствуйте, Танечка, — по-мальчишечьи мотнул он головой, — я вас сразу не признал. Это платье... Оно безумно вам идёт... А что касается настроения... оно у меня на редкость хорошее, потому что я весь из вашего тепла и света.

— Вы заставляете меня улыбнуться, — со сдержанной улыбкой ответила Таня. — Ну что, отправимся на экскурсию?

— Конечно, — согласно кивнул он, — только ответьте на один вопрос: вы мне приснились вчера или были у меня на самом деле?

Таня удивлённо посмотрела на него и вдруг легко и непринуждённо рассмеялась, и последняя напряжённость, которая ещё присутствовала в её

взгляде и голосе, растаяла, как не бывало.

— Ну, вот теперь и пойдём, — сказал Иван Артёмович, подставляя Тане локоть.

Это было и впрямь чудесное место, просто райский уголок. Вольно раскинув косматые кроны, задумчиво безмолвствовали вековые великаны-деревья. В дебрях листвы весело перекликались разноголосые пичуги; у мшистых подножий пестрели клумбы с цветами и бабочками. Рядом были установлены таблички, на которых было подробно прописано про то или иное растение: откуда привезено, в каких местах обитает, какими свойствами обладает. Особо интересные сведения Таня зачитывала вслух, а Иван Артёмович, слушал и удивлялся той простодушной радости, с которой его спутница открывала для себя что-то новое.

— Подумать только! Нет, вы послушайте, что здесь написано: «Тюльпан «Вечный август». В 1460 году за одну луковицу тюльпана дали 4600 флоринов, новую карету, пару серых лошадей и полный комплект сбруи; а в 1634 году один предприимчивый купец приобрёл целых два дома в Амстердаме за три луковицы!

Таня замолчала и задумалась, опустив ресницы, но вдруг радостно вскинула голову.

— Вспомнила! Думаю, откуда я знаю это

название — «чёрный тюльпан»? Я читала про него! Этот тюльпан вывел простой обувщик, мечтавший разбогатеть, и так влюбился в него, что забросил все дела и целыми днями сидел возле своей грядки. От сапожника ушла семья, отвернулись друзья — все считали, что он повредился рассудком. Но однажды к бедняге пришли торговцы цветами, выкупили за баснословную сумму все луковицы тюльпана и растоптали их прямо на глазах у несчастного, отчего он, не выдержав такого удара, вскоре умер.

Закончив рассказ, Таня глубоко вздохнула, заглянув в тёмные не улыбочивые глаза Ивана.

— Печальная история. Только зачем понадобилось тем людям топтать луковицы? — спросил он.

— Понятное дело — зачем: испугались, что невиданной красоты тюльпаны собьют им цены на обычные цветы, — убеждённо пояснила Таня.

— Вот как... Да, зависть бывает причиной всякого зла, она всему доброму враг... — согласился Иван.

Они долго бродили по саду, любуясь разными сортами тюльпанов, которых было невероятное множество. Таня непрерывно о чём-то щебетала, а Иван следил за выражением её лица и думал: «Вот смотрю на неё — и странное чувство не оставляет